

Культура - 2002 - 5-11 сент. - с. 12

Уроки родной истории

Пособие для юношества, агностиков и вообще

(Окончание. Начало в № 35).

Русский человек может продуктивно существовать, если только он идеалист по химическому составу крови и его не так волнует провалившаяся крыша, как именно Царствие Божие на земле. Вот ведь Владимир I Святой: человек только-только принял Христову веру, но так органично проникся ее законом, что уже не в состоянии казнить разбойника за разбой. Или у нас такой воздух, что гуманистическое учение немедленно становится материальной силой и руководит нами непосредственно, как инстинкт.

Однако и то правда, что Владимир I Святой был один такой чудак во всю историю Российской государственности, недаром он и святой, преемники же его легко казнили правых и виноватых, неизменно манкируя заповедь "Любите врагов ваших..." и прочими, взывающими к милости и человеколюбию, словно от Христа ничего не осталось, кроме формулы: "Не мир пришел Я принести, но меч."

Начиная с непосредственного преемника - князя Святополка I Окаянного, погубившего своих братьев Бориса и Глеба, все без исключения вожди нашей нации совершили за свою жизнь такую пропальсть недоброкачественных поступков и прямых преступлений, что невольно приходишь к выводу: отправление высшей власти отрицает обыкновенную порядочность и мораль. Если даже наш государь как личность особых нареканий не вызывает, то он всегда мерзавец как государь. Взять хотя бы князя Ивана I Калиту: вроде бы человек он был хороший, нищелюбивый, с демократическими наклонностями, а в 1327 году по приказу ордынского хана Узбека ходил походом на Тверь подавлять тамошнее восстание против монгольских оккупантов, сжег город, до нитки разграбил княжество и угнал в китайское рабство с тысячу тверичан. Или вот государь Александр II Освободитель: тоже был хороший человек, поэт Жуковский его воспитывал, но зачем он перевешал младшее поколение народовольцев, в сущности, людей психически несостоятельных, которых нужно было изолировать и лечить...

Это большая тайна, отчего властелин - всегда уголовный преступник, хотя бы и вынужденный обстоятельствами, в то время как обыкновенный человек на деле исповедует правила "не укради" и "не убий". Может быть, штука в том, что вообще государственность постольку зла, преступна, несообразна с человеческим естеством, поскольку ее источник - зло, преступление, психическая аномалия, то есть природная неспособность следовать обыкновенным христианским правилам как болезнь. В таком случае общество и государство существуют, главным образом, потому, что на сто человек народонаселения приходится один выродок, который физиологически не может исполнять заповедей "не укради" и "не убий", который ничего не боится, потому что ему бояться нечем, и которого мерами кротости не проймешь. Следовательно, государство вынуждено безумными средствами оперировать против безумцев, и это такая же непреодолимая стихия, как неизбежность смерти и снегопад.

Иными средствами власть держащие не владеют по природе, и, как это ни обидно, на орехи достается также девяносто девяти бедолагам, которые составляют психически здоровое большинство. То государство, до невменяемости отравленное злом, засудит его за саркастическое стихотворение, то пошлет убивать себе подобных ни за понюх табаку, то обеспечит дурацкими внешнеполитическими

В. Пьещух

предприятиями, то низведет до положения босняка. Но тут уж ничего не поделаешь: коли ты родился в качестве избранника Божия, то терпи.

Разумеется, это случайность*, что из шести миллиардов микроскопических претендентов на жизнь именно тебе выпал бесценный дар личного бытия. Тем более трепетно к нему следует относиться. Ибо за шесть миллиардов несбывшихся людей обоего пола наслаждаешься течением мысли, оттенком чувства, закатами, осенней тоской, фантазиями Антона Павловича Чехова и прочими слагаемыми земного существования, которые всегда в твоём распоряжении, как зрение или слух. Отсюда самоубийство есть не просто грех, но абсурд и величайшее преступление перед природой; отсюда же острая необходимость так организовать свое временное пребывание на земле, чтобы как можно дольше и как можно полнее наслаждаться бесценным даром личного бытия.

В этом смысле все русские князья, за редким исключением, были подлецы, недоумки и сами себе враги. Со времен Ярослава I Кесаря они если и строили национальную государственность, то как семейное дело вроде своего магазина или пошивочной мастерской, а в основном резали друг друга, грабили, подсиживали, надували, предавали, даром что все были кровные родственники, и с такой же легкостью рисковали головой ради пустых вещей, с какой нынешний дебил из уголовников, например, за чеходан радужных бумажек с цифрой готов полжизни сидеть в тюрьме.

Что, впрочем, отчасти извинительно для средневекового человека, поскольку время было такое: род людской еще не выстроил настоящую иерархию ценностей и не

накопил достаточного знания о себе. Слава Богу, нынешние князья, прямые потомки тех самых недоумков и подлецов, делом занимаются: детей рожают, картины пишут, администрируют - и, стало быть, опять же прогресс человечности налицо.

Русские, наверное, самый смиренный народ в Европе и тем не менее они фордыбачили еще в седой древности, задолго до Нестора-летописца и до того, как викинг Рюрик Скъелдунг был выписан славянами из Фрисландии вместе с его дружиной, которая сама себя называла - русь**.

Первая русская революция приходится на 862 год нашей эры, когда новгородцы изгнали из своей земли варягов шведского корня и бразды правления взял в свои руки полумифический Гостомысл. Ничего хорошего из этого не вышло, и вскоре пришлось звать варягов датского корня, чтобы пресечь междоусобицы и разбой.

Такова, к сожалению, судьба всех наших революций, включая последнюю, то есть Великую Октябрьскую, которая была действительно великой, но по астрономическому счету произошла все-таки в ноябре.

Победоносной ее тоже не назовешь, а скорее это было отложенное поражение, так как большевизм предполагает совершенного работника, воспитанного совершенными формами общественно и государственного бытия, но такая метаморфоза может случиться только наоборот; именно деревенский мужик не оставит воровства как народного промысла, если заменить ему родовой надел общественной собственностью на землю и средства производства, которые и осмыслить-то невозможно, но он будет трудиться до седьмого пота, если он просто-напросто собственник, развитой гражданин и печальник о благе своей семьи. Когда Ленин был еще юношей, писатель Александр Иванович Эртель вопрошал в письме к другу: "Не думаешь ли ты, что социализм может быть только в таком народе, земле, где дороги обсажены вишнями и вишни бывают целы!"

Иное дело буржуазные революции, которые, конечно, фальшивят, уповая на свободу, равенство и братство, но все же ставят перед собой чисто деловые, реальные и сравнительно кроткие цели, как-то, гегемония пошлости в качестве инструмента обогащения, или просто возможность беспрепятствен-

но наживаться на трудягах, невеждах и дураках. В России, впрочем, такие революции тоже не задаются: Февральская только и привела, что к атрофии государственной власти, Декабрьская 1825 года вообще была следствием оскорбленного патриотического чувства, и накануне вожди сенатской демонстрации никак не могли решить, что же важнее для будущего России - вырезать ли Романовых до последнего человека или просвещение русского народа. Между тем сколько народу полегло в Петербурге и под Киевом, сколько судеб было искалечено, какие явления были чудеса самопожертвования и феномены сердца только по той причине, что в высшем русском обществе завелось несколько десятков беспокойных идеалистов, которые задолго до рождения Льва Толстого уже жили и мыслили, исходя из его "Не могу молчать." Но так уж устроено наше общество, что в нем всегда найдется несколько десятков нервных гуманистов, которым легче пойти на каторгу, нежели мириться с объективной реальностью, данную в повальном воровстве, расстройстве государственного аппарата, униженном положении труженика, мздоимстве чиновников, притеснении высокого вкуса, бедности народной и административных безобразиях на местах.

Толку от их героизма никогда не было и не будет; в том-то и весь ужас положения, что все зря - и пятеро повешенных, и рудники, и самоубийства через покушения на царя, и три миллиона погибших в Гражданскую войну, и диссидентура, и московские бои 4 октября. Разве что революционно-демократическое движение в России привело к результату, не имеющему никакого отношения к революционно-демократическому движению, - именно в памяти народной навсегда останутся одиннадцать русских женщин, которые ради своих баламутов пошли в Сибирь. С тех пор мы наших подруг иначе и не называем, как декабристками, потому что жизнь русской женщины - положительно декабризм.

Вячеслав ПЬЕЦУХ

*Как известно, любая случайность есть маргинальное проявление закономерности, а то и прямое звено цепи.

**Скорее всего наше национальное имя происходит от названия удела Рустринген в современной Голландии, которым правил наш первый вождь.

Фото Геннадия АВРАМЕНКО